

УДК 130.1

М.В. МАСАЕВ (д. филос. н., доц)

Крымский университет культуры, искусств и туризма

(г. Симферополь)

mikhail-masaev@yandex.ru

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СМЫСЛА ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ
«ФИЛОСОФИИ КОСМОСА» Н.А. БЕРДЯЕВА И ДУХОВНО-
ПРАВСТВЕННЫХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИ-
ЗАЦИИ**

Понятие смысла истории стало в историософской науке одним из краеугольных, имеющих в понятийно-категориальном аппарате философии истории (в русле концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) поистине непреходящее символическое значение. Таким образом, смысл истории возводится в ранг понятий-символов рассматриваемой нами отрасли философского знания. В данном аспекте показателен опыт не теряющей своей актуальности философии великого отечественного философа Н.А. Бердяева.

Ключевые слова: феноменология, история, смысл, духовность, христианство.

Понятие смысла истории стало в историософской науке одним из краеугольных, имеющее в понятийно-категориальном аппарате философии истории (в русле концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [1; 2; 3]) поистине непреходящее символическое значение. Таким образом, смысл истории возводится в ранг понятий-символов рассматриваемой нами отрасли философского знания.

В данном аспекте показателен опыт не теряющей своей актуальности философии великого отечественного философа Николая Александровича Бердяева. Вот почему проблема феноменологии смысла истории в контексте проблем «философии космоса» Н.А. Бердяева и духовно-нравственных задач развития христианской цивилизации **так актуальна и злободневна**. В подтверждение вышеозначенного потрясающе убедителен следующий тезис великого мыслителя человечества: «Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха. Весь темп исторического развития существенно меняется. Он не таков, каким был до начала мировой войны и последовавших за мировой войной русской и европейской революций, – он существенно иной. И темп этот не может быть назван иначе, как катастрофическим. Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Все заколебалось, и у нас получается впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения "исторического". Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по-новому философию истории. Мы вступаем в эпоху, когда к этим проблемам будет обращено сознание человеческое более, чем оно было обращено до сих пор» [7].

Целью работы является философско-исторический анализ феномена смысла истории в контексте проблем «философского космоса» Н.А. Бердяева и духовно-нравственных задач развития христианской цивилизации (с привлечением концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов). Последний элемент является также важной составной частью **новизны** рассматриваемой проблемы.

Показательно, что «Смысл истории» представляет собой единственную из ранних (включая «Смысл творчества») книг, которую Николай Александрович (как он сам признавался) «единственно ценил». При этом мыслитель подчёркивал, что «философию истории считал своей специальностью» [4]. Примечательна в этом отношении следующая точка зрения исследователя: «Русская мысль в течение XIX века была более всего занята пробле-

мами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе. Еще Чаадаевым и славянофилами была задана русской мысли тема по философии истории, ибо загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории» [7]. В данном контексте показательны также рассуждения известного отечественного философа, профессора Дмитрия Евгеньевича Музы в русле осмысления «русской идеи» Н.А. Бердяева как историсософского концепта для создания фундаментальной истории русской философии: «...остается открытым вопрос о том, может ли служить основанием для «Русской идеи» (в её бердяевской редакции) историко-философский процесс, или же его нужно воспринимать как продукт религиозных, социально-политических, экономических, и вообще, культурно-цивилизационных детерминаций?».

Отвечая на этот вопрос, следует учесть контрастность бердяевской постановки проблемы, но и характер её осмысления и изложения. Поэтому ниже я постараюсь заострить внимание на следующем тезисе: работа Н.А. Бердяева должна восприниматься как вариант воссоздания историко-философского процесса в России, причем воссоздания в очень оригинальной форме. В частности, логика и формат этого процесса заданы самим философом в словах: его интересует «умопостигаемый образ русского народа», бытие которого раскрывается не только формативно (пять периодов русской истории – Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская, Россия советская), но и телеологически («эсхатологический выбор», в рамках которого возможна «новая Россия») [8, с. 175; 9, с. 43, 45].

Весьма примечательно следующее наблюдение мыслителя: «В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся, вполне осевшей эпохе, не возникают, с надлежащей остротой, вопросы философии, вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию, построению философии истории. Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании, для того чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта, нужно, чтобы наступила рефлексия, для того чтобы началось историческое познание, для того чтобы получилась возможность построения философии истории. Поэтому я думаю, что можно представить в виде такой схемы три периода отношения к "историческому". И я сейчас определю, как относится каждый из этих периодов к историческому познанию. Первый период - период непосредственного, целостного, органического пребывания в каком-нибудь устоявшемся историческом строе. Этот период, конечно, очень интересен для исторического познания, но в нем историческое познание еще не зарождается. Это период, в котором мысль статична, и поэтому динамичность объекта исторического познания очень плохо воспринимается человеческим умом. Второй период – неизбежно, роковым образом всегда и всюду наступающий период раздвоения, расщепления, когда утвердившиеся исторические устои начинают расшатываться в своих основах, начинается историческое движение, исторические катастрофы и катаклизмы, которые могут быть разного темпа, но органический лад и ритм целостной жизни прекращается. Вот когда начинается это раздвоение и расщепление: познающий субъект не чувствует себя непосредственно и целостно пребывающим в самом историческом объекте, зарождается рефлексия исторического познания. Этот второй период важен для исторической науки, но для настоящего построения философии истории, для настоящего осмысливания исторического процесса он все-таки не благоприятен, потому что в нем происходит разрыв между субъектом и объектом, выведение рефлектирующего субъекта из той жизни, в которой он непосредственно пребывал. Происходит разобщение с самой этой внутренней жизнью, с самим "историческим". Происходит противоположение между "историческим" и познающим, которое отдаляет от него внутреннюю сущность "исторического". В этом периоде возникает историческая наука, в этом периоде может даже возникнуть историзм в смысле общей

точки зрения на культуру. Но – и это один из парадоксов этой области, к которому мы будем не раз возвращаться, – между "историческим" и "историзмом" существует не тождество, а огромная разница и даже противоположность. Историзм, свойственный исторической науке, сплошь и рядом бывает очень далек от тайны "исторического". Он к ней не подводит. Он утерял все способы сообщения с этой тайной. Историзм не познает, не понимает – мало того, он отрицает "историческое". Для того чтобы приобщиться к внутренней тайне "исторического", в которой пребывает непосредственно человек в органическую целостную эпоху человеческой жизни, которую, пребывая в ней, он не познает, над которой он не рефлексит, для того чтобы осмыслить "историческое", – для этого нужно пройти через противоположение познающего субъекта познаемому объекту, нужно по-новому, пройдя через тайну раздвоения, приобщиться к тайне "исторического". Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к Внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории. Это – третий период, третья эпоха, эпоха возвращения к "историческому". И вот, когда я говорю, что катастрофические моменты истории особенно благоприятны для построения философии истории, я имею в виду такие катастрофы духа человеческого, когда он, пережив крушение известного жизненного исторического строя и лада, пережив момент расщепления и раздвоения, может сопоставить и противопоставить эти два момента – момент непосредственного пребывания в историческом и момент расщепленности с ним, чтобы перейти в третье состояние духа, которое дает особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии и, вместе с тем, в нем совершается особенное обращение духа человеческого к тайнам "исторического"» [7]. Данное наблюдение было вызвано постижением проблемы, что же такое "историческое"? А «для понимания "исторического", для того, чтобы мысль была обращена и к восприятию "исторического", и к его осмысливанию, необходимо пройти через некое раздвоение» [7].

Известно, что Н.А. Бердяев в течение 19-20 гг. читал лекции в основанной им Вольной Академии Духовной Культуры касательно основополагающих проблем философии истории, называя время от октябрьского переворота до своей высылки на «философском пароходе» самым свободным для духа, – по его словам, никогда он так вольно не говорил и его с таким интересом не слушали [4].

Для Николая Александровича история всегда располагалась в центре мысли. При этом мировая война, русская революция, конец так называемого «старого мира» явились мощным катализатором («исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории») [4; 7].

Именно эти лекции учёного, прочитанные в самый разгар исторической катастрофы, легли в основу книги «Смысл истории». Выявление апокалиптической сути истории (границы этого подхода прослеживаются и в наших работах – [5-6]) во время больших её сдвигов может привести к двум выводам: бессмыслица истории или высветление её смысла в свете Конца. Бердяев в «Смысле истории» пишет: История потому только и есть, что в сердцевине ее есть Христос. Христос и есть глубочайшая мистическая и метафизическая основа и источник истории, драматической, трагической судьбы ее. К Нему идет и от Него идет Божественное, страстное движение и мировое человеческое страстное движение. Без Христа его не было бы, и оно было бы непонятно. В еврейском народе потому и зачалась история, что там было мистическое предчувствие, в котором зачата связь между небесной и земной историей. Через Христа, поистине, метафизическое и историческое перестают быть разделенными, делаются соединенными и отождествленными, Само метафизическое делается историческим и само историческое делается метафизическим; небесная история делается земной историей, земная история постигается как момент небесной истории. Понимание первоначальной мистерии и первоначальной драмы бытия как драмы свободной любви, как того, что Бог захотел свободы, есть обратная сторона того, что Бог захотел человека, затос-

ковал по человеку, если говорить об этом в терминах и выражениях мифологеми, а не отвеченной философии [4; 7]. При этом человек «есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и "историческим" существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески. И нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории. Я думаю, что "историческое" нельзя, как это в большинстве случаев пытаются делать различные направления в философии истории, рассматривать только как феномен, только как явление внешне воспринимаемого мира, данного нашему опыту, и противопоставлять его в том смысле, в каком противопоставляет Кант, действительности ноуменальной, самой сущности бытия, внутренней сокровенной действительности. Я думаю, что история и историческое не есть только феномен. Я думаю, – и это есть самая радикальная предпосылка философии истории, что "историческое" есть ноумен» [7].

Таким образом, постижение и всесторонний философско-исторический анализ проблемы феноменологии смысла истории в контексте проблем «философского космоса» Н.А. Бердяева и духовно-нравственных задач развития христианской цивилизации представляется важным методологическим звеном в цепи проблем смысла истории, – проблем вечных, возрастающих до уровня Символа.

Литература

1. Масаев М.В. Философия истории. Учебно-методическое пособие / М.В. Масаев / Министерство образования и науки Украины. Министерство образования и науки Автономной республики Крым. Республиканское высшее учебное заведение «Крымский гуманитарный университет». – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
2. Масаев М.В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций [Монография] / М. В. Масаев. – Симферополь: Доля, 2011. – 512 с.
3. Масаев М.В. Парадигмальні образи і символи у трансформаційних процесах епох і цивілізацій (філософсько-історичний аналіз). Автореферат дис.... доктора філос. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 36 с.
4. Литературный портал «Предание.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: predanie.ru/lib/book/74421/
5. Масаев М.В. Образ православной церкви как апокалиптической жены (в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) / М.В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 63. – С. 153-156.
6. Масаев М.В. Гонимая апокалиптическая жена как символ православной церкви и «основная парадигма мироцерковного восприятия образа церкви» / М.В. Масаев // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы II международной научно-практической конференции 5-6 марта 2012 года. – Пенза-Прага-Киев: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 181 с. – С. 66-73.
7. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: royallib.ru/book/berdyayev_nikolay/smysl_istorii.html
8. Муза Д.Е. «Русская идея» Н.А. Бердяева как историософский концепт для создания фундаментальной истории русской философии / Д.Е. Муза // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі [Текст] / Відп. ред. Аляев Г., Суходуб Т. / Тов-во рос. фил. при Укр. філ. фондї; Полтавський нац. тех. ун-т. ім. Ю. Кондратюка; Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України; Центр гум. освіти НАН України. – Полтава: ТОВ «АСМІ», 2014. – 816 с. – (Серія «Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фондї»; Вип. 11). – С. 173-179.

9. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – С. 43-271.

М.В. Масаєв (Крымский университет культуры, искусств и туризма). *Феноменологія сенсу історії в контексті проблем «філософії космосу» М. А. Бердяєва і духовно-моральних задач розвитку християнської цивілізації.*

Поняття сенсу історії стало в історіософській науці одним з базових, котрі мають у понятійно-категоріальному апараті філософії історії (в руслі концепції парадигмальних образів та символів епох, цивілізацій та народів) дійсно нескінченне символічне значення. Таким чином, сенс історії возводиться до рангу понять-символів галузі філософського знання, котра розглядається нами. В даному аспекті є показовим досвід філософії великого вітчизняного філософа М. А. Бердяєва, котрий не втрачає своєї актуальності.

Ключові слова: феноменологія, історія, сенс, духовність, християнство.

M.V. Masayev (Crimean University of Culture, Arts and Tourism). *Phenomenology of the sense of history in the context of the problems of "philosophy of space" N. A. Berdyaev and spiritual and moral problems of the development of Christian civilization.*

The notion of the sense of history began in historical and philosophic science one of the cornerstones having in conceptual-categorical apparatus of the philosophy of history (in line with the concept of paradigmatic images and symbols if epochs, civilizations and nations) truly lasting symbolic value. Thus, the sense of history is erected in a rank of the notions-symbols considered by us branch of philosophical knowledge. This aspect significant experience not loses their relevance philosophy of the Great Russian philosopher N. A. Berdyaev. That is why the problem of phenomenology of the sense of history in the context of the problems of "philosophy of space" N. A. Berdyaev and spiritual and moral problems of the development of Christian civilization so urgent. In confirmation of the above fabulous convincing following proposition great thinker of mankind: "We live in a time of grandiose historical turning point. Some new historical epoch is started. The whole pace of the historical development varies considerably. It is not as it was before world war and post-world war European and Russian revolutions, it is substantially different. And the pace of this cannot be called otherwise than catastrophic. Volcanic springs in the historical subsoil is opened. All hesitated, and we get the impression particularly intense, especially acute movement of "historic". I think that acute sense it is especially important to ensure that the human mind and human consciousness turned to the revision of the basic issues of the philosophy of history, attempts to build a new philosophy of history. We are entering a period when these problems will be addressed human consciousness more than it was addressed so far." Thus, attainment and comprehensive philosophical-historical analysis of the problem of phenomenology of the sense of history in the context of "philosophical space" N. A. Berdyaev and spiritual and moral problems of the development of Christian civilization is important methodological link in the chain of problems of the sense of history, problems eternal, rising to the level of the Symbol.

Key words: philosophy, history, sense, spirituality, Christianity.

УДК 1(091):316.3

Д.Е. МУЗА (д. филос. н., проф.)

Донецкий национальный технический университет

dmuza@mail.ru

ИДЕЯ КОММЮНОТАРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

В статье рассмотрена бердяевская версия коммюнитарного принципа, который трактовался русским философом как единственный вариант создания духовно-сообразной социальности. Показана эволюция идеи коммюнитарности на примере до-эмигрантского и